

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИВКУС КОРОНАВИРУСНОГО КОНТЕКСТА*

Глобальная ситуация 2020-го года, связанная с разворачиванием пандемии коронавируса, изменила мышление общества, сформировала новое отношение к привычным вещам, окрасила мир в тревожные тона. В фокусе нашего исследовательского внимания находятся прежде всего ключевые слова коронавирусной эпохи, которые не избавлены от аксиологического привкуса в контексте сегодняшней ситуации.

Смысловыми доминантами коронавирусной эпохи являются базовые лексические единицы, пополнившие наш актуальный лексикон: *пандемия, кризис, коронавирус, ковид, карантин, самоизоляция* и др.

Стилистически нейтральная высокочастотная актуальная лексика в речевом употреблении получает субъективно-модальное приращение к объективному значению слова. Массиву высказываний, включающих «коронавирусные» слова, присуща дополнительная аура, передающая оценочное отношение к данным словам в диапазоне тревоги, опасности и страха. Выделим участки актуального контекста, которые наполнены ценностным содержанием.

1. Самой яркой группой высказываний, напрямую передающей оценочную семантику, являются рефлексивы, и частотной аксиологической единицей становится метаоператор *страшное слово*. В синонимический ряд тревожной лексики включаются и другие оценочные единицы: *жуткое, пугающее, колючее, грозное, зловещее, холодное слово*. Маркерами пейоративной прагматической информации становятся метакомментарии различного типа:

*Правда, ВОЗ слишком долго не произносила это **страшное слово «пандемия»**, хотя не только в Китае уже была экстремальная ситуация, но вирус проник во многие страны* (Московский комсомолец; 20.03.2020);

*Кажется, уже столько воды утекло и столько произошло изменений с тех пор, как в нашу жизнь ворвалось **страшное слово «коронавирус»*** (Вперед (Пермская область); 04.06.2020);

*Сейчас, когда **грозное слово «коронавирус»** вошло и в жизнь россиян, многим интересно, как начиналась пандемия в Европе* (Таганрогская правда; 03.04.2020).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Причем сейчас, когда весь мир содрогается от страшного слова «COVID-19» (Скопинский вестник (Рязанская область); 16.10.2020);

Пугающее слово «карантин» пришло с первыми подтвержденными случаями заражения коронавирусной инфекцией (Вечерний Новосибирск; 16.06.2020);

Колючее и холодное слово «карантин» наглухо запечатало двери учреждения (Октябрь (Калужская область); 14.05.2020);

Буквально из всех углов доносится это жуткое слово «самоизоляция», пугая неизвестностью (Нязепетровские вести (Челябинская область); 26.06.2020);

Тревожное слово «кризис» звучит на всех языках (Ветеран; 28.10.2020).

Негативное отношение складывается и к другим словам медицинского лексикона:

Меня уже передергивает от слов маски, антисептик, перчатки, градусник, марля (Комсомольская правда; 24.04.2020);

Что-то как-то коробит от словосочетания «социальная дистанция»... Я и Абрамович, я и Греф, я и Сечин – вот социальная дистанция (Вечерняя Казань; 07.05.2020).

2. Вторым фактором, формирующим коннотативные оттенки тревожности, является лексическая сочетаемость ключевых слов пандемийного времени. Атрибутивные характеристики единиц также включены в тематическое поле безысходности и страха, например: **карантин жесткий / бесконечный / тотальный / многократный / страшный / длительный / тревожный; ковид страшный / пугающий / грозный / неизведанный**. Предикатная сочетаемость усиливает ауру тревоги: *пугают карантином, ковид пугает, жители паникуют из-за пугающей ковидной статистики, боятся самоизоляции; вновь разбушевался страшный коронавирус* и др. Метафорическая сочетаемость встраивается в коронавирусный контекст: *Мы прожили год в ужасе страшного Ковида-Людоеда*.

3. Коронавирусный контекст позволяет обсуждать насущные проблемы современности, не только не ушедшие из-за коронавирусной пандемии, а, наоборот, обострившиеся в связи с ней и сохраняющие злободневность. Средством гиперболизации отрицательной оценки с целью повышения экспрессивности лексических единиц является употребление сравнительной степени прилагательного *страшный*.

Прилагательное, употребленное в сравнительной степени, обозначает качество, характерное для предмета, стоящего в позиции субъекта, в большей степени по сравнению с теми же качествами в другом предмете, стоящем в позиции объекта. В «коронавирусном» контексте на месте объекта находит-

ся лексема *коронавирус*, обладающая сильной пейоративной коннотацией. Поставленный рядом с коронавирусом сравниваемый предмет выражает эту коннотацию интенсивнее. Грамматический прием, используемый журналистами, с одной стороны, позволяет обсуждать насущные социальные проблемы, с другой стороны, усиливает тревожность контекста. Например:

Это уже настоящее одичание и зараза, страшнее коронавируса (Комсомольская правда; 03.05.2020);

Эпидемия домашнего насилия может стать страшнее коронавируса (АиФ (Пермь); 15.04.2020);

Депрессия для смолян страшнее коронавируса (Смоленская газета; 20.05.2020);

Ах, злые языки, страшнее... коронавируса (Северная Осетия; 22.04.2020);

Коррупция — это эпидемия пострашнее любого коронавируса (Вольная Кубань; 27.06.2020);

Экономические и социальные последствия могут быть страшнее коронавируса (Марийская правда; 06.05.2020);

Повальное обнищание россиян может стать страшнее коронавируса (МК; 06.04.2020);

Информационная пандемия-истерия, на мой взгляд, страшнее коронавируса (Красный север; 18.04.2020).

4. В особом ряду находится лексема *самоизоляция*, которая реализует неоднозначные аксиологические коннотации и «претендует на статус новейшего русского культурного концепта» [Радбиль 2020: 760].

В «докоронавирусный» период слово чаще использовалось в социально-политическом контексте, когда речь шла о политике изоляционизма в государственном масштабе, например:

В середине XIX века Япония уже три века жила в самоизоляции (Новые известия; 04.02.2005); *Россия никогда не была в самоизоляции* (Огонёк; 17.11.2008).

Лексема *самоизоляция* в новом значении 'ограничительные меры в связи с пандемией коронавируса' начала употребляться с марта 2020-го года, когда возникла необходимость изолировать россиян, приехавших из-за рубежа:

5 марта мэр Москвы Сергей Собянин подписал указ о необходимости обязать вернувшихся из Испании, Франции и Германии обеспечить самоизоляцию на две недели (Коммерсантъ; 10.03.2020).

Рефлексия носителя языка по поводу актуального слова фиксирует отрицательное отношение ко всему, что стало ограничивать свободу жизнедеятельности человека, нарушало привычные рамки общественной жизни:

*Еще пару недель назад жизнь была здесь ключом, у входа в «Галерею» толпилась молодежь, **демонстративно презируя новое слово «самоизоляция»*** (Краснодарские известия; 14.04.2020);

*В самом начале мы не до конца понимали масштаба бедствия, и само **слово «самоизоляция» казалось дикостью**, как и обязательное ношение медицинских масок, перчаток, соблюдение дистанции в торговых точках и общественном транспорте, работа на «удаленке»* (Майкопские новости; 08.09.2020).

Носителями языка осознается смысловой конфликт в семантике слова: с одной стороны, самоизоляция – это добровольное ограничение свободы перемещения, указы и постановления по самоизоляции носят рекомендательный характер; с другой – налицо ситуация «законодательного принуждения граждан к добровольному ограничению своих прав на срок, определяемый опять же не гражданами, по их внутренней потребности, а законодательным образом» [Радбильт 2000: 769].

Апелляция властей и специалистов в области медицины к моральной ответственности граждан приводит к изменению отношения общества к текущей ситуации, формированию трезвого подхода к короновирусному времени, к переполусированию коннотативной семантики противоречивого по семантике слова:

*Сегодня слово «самоизоляция» **окрасилось в положительный оттенок**. Теперь самоизолировался – помог обществу, а не опустошил глубину своей личности* (Белгородские известия; 31.03.2020);

*С другой стороны, мы видим, как **слово «самоизоляция» стремительно теряет свою негативную коннотацию**. Еще пару недель назад от него веяло Северной Кореей, идеями чужде и другими малоприятными вещами, а теперь оно принято в приличное общество. Во всех новостях пишут, например, что «Греф самоизолировался». Фраза «Я решил самоизолироваться на пару дней» все еще немного режет слух, но не вызывает опасения за психическое состояние того, кто ее произносит* (Деловой Петербург; 23.03.2020);

*– Яна Олеговна, не испытываешь ли ты чувство дискомфорта, когда слышишь **слово «самоизоляция»**? – Лично мне все нравится. Я всегда мечтала так жить: не выходить из дома без особой надобности* (Новая Сибирь (Новосибирск); 05.06.2020);

Окончательное осознание положения дел, адаптация к сложной коронавирусной реальности преломляются через язык, приводят к формированию положительной коннотации:

Сегодня, когда рядом смертельно опасная напасть, во власти которой мы неведомо сколько еще будем выживать, когда нет активного и надежно-го противоядия, нам брошен то ли спасательный круг, то ли призыв, то ли

рецепт, а может быть, и все вместе в одном слове – самоизоляция (Санкт-Петербургские ведомости; 13.05.2020).

ЛИТЕРАТУРА

Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020, Т.7. №4. С. 759–774.

Вепрева И.Т.

профессор

Россия

Пазно-Влазловская Д.

научный сотрудник

Польская Академия наук

Варшава, Польша

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛЬСКИХ И РУССКИХ ЭРГОНИМОВ: ОБ ОБЩИХ ВКУСОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ В СЛАВЯНСКОМ СОЦИУМЕ

Эргонимы, названия городских коммерческих объектов, в ономастическом пространстве современного мегаполиса являются динамично развивающейся группой, обладающей, помимо номинативной функции, функцией речевого воздействия на горожанина.

Цель нашего доклада – провести сопоставительный анализ польских и русских эргонимов, номинирующих предприятия общественного питания, креативный подход к созданию которых связан, с одной стороны, с усилением конкуренции в данной сфере, а с другой стороны, с появлением в современном обществе нового ценностного подхода к питанию, связанного с утверждением наслаждения пищей.

Сопоставительный подход к эргонимам польского и русского городского пространства обусловлен проблемой выявления тенденций современной ономастической моды, под которой понимаются меняющиеся во времени стандарты выбора и изобретения имен собственных, интегрирующие массовые вкусовые предпочтения, которые доминируют в общем славянском социуме. В докладе обратимся только к характеристике двух общих тенденций и их различной реализации в русском и польском языках, поскольку тема настолько обширна, что является предметом диссертационных работ, поэтому в рамках одного доклада характеристика всех проявлений ономастической моды – задача трудно выполнимая.